

Маргинализация населения Дальнего Востока России как феномен кризисной повседневности (1990—2000-е гг.)

Юлия Николаевна Ковалевская

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: tupa67@mail.ru

В статье анализируется проблема маргинализации населения Дальнего Востока России как проявление кризиса повседневной жизни в 1990—2000-е гг. Маргинальность рассматривается как неспособность воспроизводить устойчивые структуры жизнедеятельности, лежащие в основе повседневной жизни. Дальневосточная специфика 1990-х гг. — одновременное действие различных факторов маргинализации, затрагивающих практически все группы населения.

Ключевые слова: Россия, Дальний Восток, маргинальность, кризис, повседневность.

Marginalization of the Far Eastern population of Russia as a phenomenon of the crisis in everyday life (1990—2000).

Yulia N. Kovalevskaya, Cand. Sc. (History), senior researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok.

The article analyzes the problem of marginalization of the population of the Far East of Russia resulted in the crisis of everyday life taken place in 1990—2000. Marginalization is regarded as the inability to reproduce the stable structures of life activities as the main principles of everyday life. Far Eastern specific features of the 1990s are given as simultaneous influence of different factors of marginalization that affected practically all groups of population.

Key words: Russia, Far East, marginalization, crisis, everyday life.

Цель статьи — оценить возможности концепции маргинальности в изучении кризисной повседневности дальневосточников в период 1990-х — начала 2000-х гг. На наш взгляд, эта теория обладает высоким эвристическим потенциалом: позволяет по-новому взглянуть на источники и связать несколько уровней реальности — частной жизни людей, изменяющейся социальной структуры и глобальных систем.

Понятие маргинальности возникло в американской социологии в 1928 г. Американский социолог, один из основателей чикагской школы,

Роберт Эзра Парк (1864—1944) впервые употребил его в эссе «Человеческая миграция и маргинальный человек», посвящённом изучению процессов в среде иммигрантов. У Парка понятие маргинальности (от латинского *margo* — край, граница, предел) означало положение индивидов, находящихся на границе двух различных, конфликтующих между собой культур, и использовалось для изучения последствий неадаптированности мигрантов, особенностей положения мулатов и других «культурных гибридов». Главное, что определяет природу маргинального человека, — чувство моральной дихотомии, раздвоения и конфликта, когда старые привычки отброшены, а новые ещё не сформированы. Это состояние связано с периодом переезда, перехода, определяемого как кризис. «Без сомнения, — отмечает Парк, — периоды перехода и кризиса в жизни большинства из нас сравнимы с теми, которые переживает иммигрант, когда он покидает родину, чтобы искать fortuna в чужой стране. Но в случае маргинального человека период кризиса относительно непрерывный. В результате он имеет тенденцию превращаться в тип личности» [2, с. 256]. Он замечает, что в природе маргинального человека «моральное смятение», которое вызывают культурные контакты, проявляет себя в более явных формах; изучая эти явления там, где происходят изменения и слияние культур, мы, поясняет учёный, будем лучше понимать процессы цивилизации и прогресса [2, с. 257]. Э. Парк связывает концепцию маргинального человека не только с личностным типом, но и с социальным процессом. Он рассматривает маргинального человека как «побочный продукт» процесса аккультурации в ситуациях, когда люди различных культур и различных рас сходятся, чтобы вести общую жизнь, и предпочитает исследовать процесс с точки зрения скорее не личности, а общества, частью которого она является [8, с. 10].

Развитие концепции маргинальности осуществлялось американским социологом Эвереттом Стоунквистом в монографическом исследовании «Маргинальный человек» (1937). Стоунквист описывает маргинальное положение социального субъекта, участвующего в культурном конфликте и находящегося «между двух огней». Такой индивид находится «на краю» каждой из культур, но не принадлежит ни одной из них. В качестве образцов подобного поведения Стоунквист исследует расовые гибриды (англо-индийцев, капских цветных Южной Африки, мулатов в Соединённых Штатах, цветных Ямайки, метисов Бразилии и др.), культурные гибриды (европеизированных африканцев, денационализированных европейцев, иммигрантов и т.д.). Стоунквист выявляет психологические характеристики человека, попавшего в кризисную ситуацию (которая порождает маргинализацию):

- дезорганизованность, ошеломлённость, неспособность определить источник конфликта;
- ощущение «неприступной стены», неприспособленности, неудачливости;
- беспокойство, тревожность, внутреннее напряжение;
- изолированность, отчуждённость, непричастность, стеснённость;

- разочарованность, отчаяние;
- разрушение «жизненной организации», психическая дезорганизация, бессмысленность существования;
- эгоцентричность, честолюбие и агрессивность.

Исследователи отмечают близость его характеристик «маргинального человека» и определённых Э. Дюркгеймом характерных черт общества, находящегося в состоянии аномии как следствия разрыва социальных связей. Однако Стоунквиста прежде всего интересовали культурные причины маргинальности. В отличие от Парка Стоунквист полагал, что в процессе адаптации маргинальность может быть преодолена. Таким образом, первоначально центральной проблемой маргинальности был культурный конфликт, следовательно, первой была описана культурная маргинальность [8, с. 19].

В дальнейшем концепция маргинальности активно разрабатывалась в американской социологии (1940—1960-е гг.). Анализ усложняющихся социальных процессов в современных обществах через призму теории маргинальности приводил к интересным наблюдениям и результатам и стал одним из признанных социологических методов.

В рамках социальной психологии механизм маргинальности исследовал Т. Шибутани [12]. Он даёт следующее определение маргинального человека: «Маргинальны люди, которые находятся на границе между двумя или более социальными мирами, но не принимаются ни одним из них как его полноправные участники» [12, с. 475]. Шибутани сформулировал понятие маргинального статуса личности как позиции, где воплотились противоречия структуры общества. Он считал, что описанный Парком и Стоунквистом комплекс психологических черт маргинального человека применим только к ограниченному числу людей. На самом же деле, обязательного взаимоотношения между маргинальным статусом и личностными расстройствами не существует. Маргинальный статус может являться источником невротических симптомов, тяжёлых депрессий, но он же стимулирует высокую творческую активность. Как отмечает Шибутани (соглашаясь с Парком), «...в любой культуре наибольшие достижения осуществляются обычно во время быстрых социальных изменений, и многие из великих вкладов были сделаны маргинальными людьми» [12, с. 476].

В российской постсоветской социологии концепция маргинальности активно осваивается исследователями. М.Г. Бурлуцкая считает, что синтез концепций маргинальности и мобильности может оказаться полезным для понимания российской социальной структуры, которая в течение XX в. пережила несколько масштабных преобразований, имеющих скорее революционный, а не эволюционный характер. Актуальность концепции маргинальности для понимания процессов, происходящих в социальной структуре российского общества, по её мнению, связана с его масштабной трансформацией, один из аспектов которой фиксируется как маргинализация. Причины маргинализации прежде всего связаны с усилением процессов мобильности — как восходящей, так и нисходящей.

Экономические, политические реформы привели к появлению новых социальных групп, изменению численности прежних. Все эти изменения происходят за счёт действия механизмов мобильности [5, с. 80].

По мнению М.Г. Бурлуцкой, один из аспектов изучения маргинальности — исследование творческого потенциала этого состояния. Массовое перемещение в группу индивидов из других социальных слоёв в сочетании с выбором активных стратегий адаптации способно переопределить ценностно-нормативные характеристики статусной группы. С этой точки зрения возможен анализ процесса смены элит в России: концепция маргинальности может помочь объяснить механизм «революции сверху», которая произошла в России в 80-е гг. (Средние слои номенклатуры, получив при М.С. Горбачёве доступ в элиту, сумели изменить и правила взаимодействия внутри группы, и критерии рекрутирования в элиту).

Другой аспект маргинализации в современной России связан с тем, что многие статусные позиции потеряли ролевую и идентификационную определённость. Это характерно прежде всего для людей, которые утратили квалификацию, статус, достаток, не сумели найти себя в новой постсоветской реальности.

И наконец, с позиций теории маргинальности можно рассмотреть формирование новых групп. Яркий пример — становление группы предпринимателей. С одной стороны, формирование этой группы происходило на основе образов западного бизнесмена, русского купца и нэпмана, а с другой — к нему привлекались поведенческие образцы тех групп, из которых наиболее активно шло рекрутирование: советская партийная, комсомольская и хозяйственная номенклатура, научно-техническая интеллигенция и «теневики». Поэтому можно заключить, что в основе формирования ролевых и ценностно-нормативных комплексов группы предпринимателей лежали маргинальные практики [5, с. 82].

Е.С. Балабанова анализирует связь общественной стабильности и маргинализации. По её мнению, стабильность социума является условием и целью его существования. Одной из угроз стабильности внутри самого социума являются всевозможные «отклонения», несоответствие общим стандартам либо «отклоняющееся» определение реальности. Маргинальность как «угроза», «отклонение», «нетипичность» перекликается с понятием «девиантности». Эту взаимосвязь Е.С. Балабанова представляет следующим образом: интегрированность — маргинальность — девиантность. «Промежуточное» положение маргинальности между интегрированностью в социум и девиантностью позволяет характеризовать её как «потенциальную угрозу» стабильности, которая не носит прямой антисоциальной направленности, но угрожает косвенно. Примером такого промежуточного положения между интегрированностью и девиацией является низший класс (underclass) на Западе и субпролетариат в России [1, с. 84].

Социологи используют концепцию маргинальности и применительно к историческому материалу. Так, Г. Дерлугьян анализирует маргинальность советского типа — горожан в первом или втором поколении, ко-

торые утратили деревенские традиции, но не вполне усвоили городской образ жизни. По его мнению, они создают особый стиль жизни — «посад», или «деревня в городе». Этот стиль распространяется не только на социальные низы — субпролетариат, но и на номенклатуру. Если субпролетариату свойственно в день зарплаты пропивать деньги, на которые следовало бы месяц кормить семью, то советское начальство могло резать племенной скот ради выполнения плана по мясу, поворачивать великие реки ради «освоения» выделенных средств и т.д. Маргинальность советской семьи проявлялась в том, что мужчина был практически не способен прокормить семью из трёх-четырёх человек и женщинам приходилось работать [9].

Советский тип маргинализации исследует также С.П. Баньковская. По её словам, «...весь советский опыт «перемешивания» населения был опытом маргинализации. Взять великие стройки, образовательную миграцию в научные центры страны или репрессии, когда целые народы снимали со своей территории и перемещали в другое место, — это была практика создания маргиналов. И, по сути, термины, которые были в ходу в то время, вроде «простой советский человек» или «новая социальная общность — советский народ», не нёсшие в себе какой-то этнической, культурной или языковой определённости, как раз и обозначали маргинала» [3].

Нам представляется, что концепция маргинальности может применяться при изучении истории повседневности, особенно в кризисные эпохи. Существует множество определений повседневности [14]. Мы используем в качестве рабочего определение повседневности как телесных, предметных и социокультурных практик, которые создают и поддерживают устойчивые структуры жизнедеятельности. В данном контексте маргинал — это человек, который утратил или не приобрёл практические навыки, необходимые для выживания и успешной адаптации в обществе. При этом суть маргинальности — неспособность к воспроизводству устойчивых систем жизнедеятельности, лежащих в основе повседневной жизни.

Главными системами, которые воспроизводятся в повседневной жизни, являются биологический статус (телесность, система питания, защита от холода, поддержание здоровья, психологический комфорт); воспроизводство населения (рождение и воспитание детей); общественные институты (трудовая деятельность, мораль и др.); экологическая среда (продуктивность почв, чистые вода и воздух и т.п.). Маргинальность может проявляться на разных уровнях: личном (инвалидность, дисквалификация, девиантность); уровне малой группы (неблагополучная семья, разорившееся предприятие, дворовая банда и т.д.); макросоциальном уровне (субпролетариат, депрессивное поселение или регион, вымирающая нация, слабое государство); глобальный уровень (экологические катастрофы, экономические кризисы, мировые войны).

Очевидно, что классическая теория маргинальности, основные положения которой описаны выше, затрагивает в основном проблемы двух

низших уровней — личного и микросоциального, а источником маргинализации считает личностные характеристики человека. Предполагается, что среда стабильна, а человек активен, и проблемы его адаптации — это проблемы ограниченности личных ресурсов. Однако достаточно обратиться к реальной истории, особенно периодам кризисов, войн, революций, природных и культурных катастроф — периодам распада повседневной жизни, и мы увидим, что главные причины маргинализации лежат за пределами личности или малой социальной группы. Экологическая катастрофа, революция, мировая война порождают маргинальный статус для всех людей и на всех уровнях.

Рассмотрим с этой точки зрения ситуацию в постсоветской России и на Дальнем Востоке страны. Страна унаследовала некоторые факторы маргинализации от советского строя: низкую рождаемость и непрочность семьи, феминизацию многих отраслей труда, снижение трудовой мотивации, поселения типа «ни город — ни деревня», высокую степень внутренней миграции, кризис устойчивых идеологических систем (как традиционных религий, так и советской идеологии), неэффективную элиту.

Распад СССР и кризис 1990-х гг. чудовищно обострил ситуацию и породил множество новых факторов (причин) расширения маргинальных слоёв в России: военные и этнические конфликты, рост преступности, безработица и появление новых форм занятости (бизнес и пр.), возникновение депрессивных регионов и застойной бедности, внутренняя и внешняя миграция, увеличение числа разводов, рост социальных болезней (алкоголизм, наркомания, туберкулёз, сифилис, СПИД), ухудшение экологической обстановки и системы здравоохранения, распад единого государства, открытие границ и эмиграция. Каждый из этих факторов по отдельности можно преодолеть, но часто они действовали одновременно, носили системный характер и обуславливали долговременность и глубину маргинализации больших групп населения.

Главной системой, которая воспроизводится в повседневной жизни, является население, являющееся субъектом любой деятельности — трудовой, социальной, культурной. Постсоветский период отличается беспрецедентным снижением численности населения. Ежегодно естественная убыль населения составляет 520—550 тыс. чел. Исследования демографов показывают, что высокая смертность и низкая рождаемость россиян связаны с резким ухудшением здоровья нации, снижением качества медицинского обслуживания, возвращением давно забытых болезней [11, с. 38]. В итоге Российская Федерация занимает сегодня седьмое место в мире по количеству населения (после Китая, Индии, США, Индонезии, Бразилии, Пакистана), располагая при этом самой большой (более 17 млн квадратных километров) территорией в мире. В условиях бескомпромиссной борьбы за природные ресурсы (до 42% которых от всех мировых запасов сосредоточено в Российской Федерации), сочетание гигантской территории с быстро уменьшающимся населением порождает риск утраты суверенитета. Но главное — возрастает нагрузка на

человека по поддержанию нормального уровня жизни, обслуживанию материальной и социальной инфраструктуры.

В современных развитых странах увеличиваются инвестиции в детство и прежде всего — в образование и детское здоровье. Лидерами здесь являются Великобритания, Канада и США. Одновременно становится общепризнанным, что огромный экономический вклад в общественное развитие вносит умная родительская забота и правильное семейное воспитание детей. В последние годы стали говорить даже о том, чтобы в системе базовых отраслей экономики выделять особую «родительскую промышленность» — Parenting Industry [7]. Российская элита не считает приоритетным вложение средств в развитие человеческого капитала. По мнению ряда исследователей, причина этого кроется в характере экономики. Инновационная экономика требует качественного населения; правящие группы «энергетической сверхдержавы» (она же сырьевой придаток) население воспринимают как возобновляемый ресурс, численно избыточный для сырьевой экономики [13, с. 139].

Основой повседневной жизни является трудовая деятельность, производство продуктов питания и других объектов материальной и духовной культуры. Реальностью постсоветской России являются деиндустриализация и деградация промышленного труда, порождающие общую примитивизацию жизни, архаизацию и демодернизацию. Именно эти процессы обуславливают маргинальность основной части населения — вместо пролетариата, занятого квалифицированным физическим и умственным трудом (самый многочисленный слой советского общества), возникает маргинальный слой — субпролетариат. Особым фактором маргинализации является резкое увеличение социального неравенства: по социологическим признакам олигарх является таким же маргиналом, как бомж. И практика это подтверждает: сверхбогатые люди в России действительно не создают «устойчивых систем жизнедеятельности». В отличие от традиционной элиты (дворянства), представители которой сажали леса, парки и сады; за свой счёт создавали больницы, музеи и библиотеки, «новые русские» строят коттеджи в заповедниках и приватизируют музейные здания. Даже в сравнении с советской элитой они «маргинальнее»: если леспромхоз брежневских времён пилил лес, он обязательно производил лесопосадки, чего современные лесные бизнесмены не делают совсем.

Нестабильными являются все основные элементы повседневной жизни элиты. У многих из них, по сути, нет устойчивой профессии; современные «эффективные менеджеры», как сталинские ответработники, сегодня руководят баней, завтра — Большим театром. Компетенция, квалификация и прочие профессиональные качества работников с определённой должностной ступени уже не имеют принципиального значения, главным фактором продвижения внутри элиты становятся связи и лояльность к вышестоящим чинам [6, с. 33]. Высший слой российского общества не отличается высокой моралью и культурой. По мнению Л. Сараскиной, «...обеспечив себе высочайший, никогда не виданный в России уровень потребления, [он] востребовал самые низкие сорта культуры,

заменив её досугом, искусство — индустрией развлечений, религию — клубом и сектой, веру — оккультизмом...» [10, с. 46].

Элита, ориентированная на «гламур» и «глянец», транслирует единственный образец семейной жизни — громкий семейный скандал. Семейное положение у них всегда одно — «лучший жених (невеста) России», даже если они уже женаты. Чтобы не делить с женой не только имущество, но и детей, распространяется практика заводить их с помощью услуг суррогатных матерей. Нетрадиционная сексуальная ориентация стала разновидностью нормы. Дети элиты часто воспитываются вне семьи, за границей, они теряют идентификацию с Россией, называя её «Рашкой», «совком»; презирают свой народ — «быдло», «замкадников», «анчоусов», «лузеров». Вряд ли это поколение будет вкладывать средства в охрану экологической среды, развитие образования и культуры, т.е. поддерживать фундаментальные основы повседневности. Сверхпотребление одних обесценивает реальные достижения других. Семья из трёх человек, которая в советское время жила в двухкомнатной хрущёвке, была довольна и могла чувствовать, что она «не хуже других». Сейчас та же семья в той же квартире чувствует себя глубоко ущербной и несчастной, т.к. знает, что все приличные люди живут в особняках.

Для России с 1990-х гг. характерно наложение многих факторов маргинализации на личность или общественный слой, что многократно увеличивает риски и уменьшает возможности адекватного их преодоления. Особенно это касается дальневосточных регионов России, где природные условия и без того проблематичны для создания нормальной повседневной жизни. Возьмём, например, ситуацию в шахтовых городах Сахалина, рыбопромышленных — Камчатки и золотодобывающих — Магаданской области. Данные получены из развёрнутых интервью с тремя респондентками: А — женщина, 1953 г. рождения, до 1998 г. проживающая в г. Шахтёрске Сахалинской обл., завуч детской школы искусств; В — женщина, 1947 г.р., до 1992 г. проживала в п. Гижига Магаданской области, геолог, специалист по золотодобыче; С — женщина, 1960 г.р., из г. Усть-Камчатска, инженер-технолог рыбной промышленности.

В советское время это были преуспевающие поселения, с обеспеченным населением, имеющим доступ ко всем основным социокультурным ресурсам. Хорошая зарплата, развитая социальная инфраструктура позволяла жителям чувствовать себя достаточно комфортно: нормально питаться, жить в благоустроенных домах, учить детей в школах и вузах, получать качественные услуги системы здравоохранения. Суровый климат компенсировался большим отпуском и возможностью выехать всей семьёй на отдых в тёплые края, поддерживать связи с родственниками в Европейской России. Управленческая элита состояла из высококвалифицированных специалистов, зачастую выпускников престижных вузов (Ленинградского горного института и др.). Атмосфера была либеральная [16 А].

В 1990-е гг. градообразующие предприятия в этих поселениях закрылись, рабочие и специалисты стали безработными. Кто смог уехать, ста-

ли мигрантами, т.е. маргиналами в местах приезда. Оставшиеся попали в ещё более тяжёлые условия. Все жизнеобеспечивающие системы развалились: в первую очередь пострадало ЖКХ, и люди месяцами сидели без воды, отопления и электричества. Бюджетникам месяцами не платили зарплату. В школах не хватало учителей и учебников, перестали проводить профилактическое лечение детей. Транспортная система сжалась до минимума — вместо трёх автобусов в день стал ходить один в неделю, исчезли паромы и малая авиация. Люди оказались в изоляции и без помощи [16 В]. Распадались семьи: мужья уезжали на заработки вахтовым методом — кто на месяц, кто на полгода. Многие спились, попали в тюрьму, получили травмы и т.д. Родственники, в советское время каждый год навещавшие друг друга, по десять лет не виделись из-за бедности и дороговизны билетов. Дети, проживавшие в северных районах Камчатки, Чукотки, Сахалина, несколько лет не видели солнца.

Позднее на месте больших современных предприятий появились мелкие частные артели, карьеры, рыбные заводики, которые часто меняли хозяев, банкротились, не платили зарплату, работали по несколько месяцев в году, не отчисляли средств ни в пенсионный фонд, ни в налоговые органы, не платили больничных. Условия труда были плохие, резко возросли травматизм, социальные болезни, не было никаких социальных гарантий [ГАКК. Ф. 890. Оп. 1. Д. 573. Л. 12]. Характерно, что работники подобных предприятий (кроме управленческой верхушки, которая обогащается) не могут рассчитывать на социальную поддержку государства типа пособия по безработице. Логика бюрократического государства такова, что человек, который работал шесть месяцев на постоянной работе со всеми гарантиями и потерял её, может оформить пособие, а человек, отработавший пять месяцев на путине по 14 часов в сутки, живя при этом в грязном бараке, на пособие рассчитывать не может. Точно так же человек, имеющий квартиру, имеет право оформить субсидию, а тот, у кого жилья нет совсем (и он вынужден его снимать), ничего не получит [16 С].

Именно неравная борьба с множественными негативными факторами, каждый из которых сам по себе способен превратить человека в маргинала, порождает застойную бедность. Это тяжёлое явление осознаётся как угроза безопасности во всех странах. Бедные семьи воспроизводят население, обладающее низким человеческим капиталом. Рост такого населения делает страны неконкурентоспособными в мировом масштабе. СССР оставил РФ два конкурентных преимущества: богатые ресурсы и дешёвую, но квалифицированную рабочую силу. К 2012 г. эти люди либо достигли пенсионного возраста, либо были дисквалифицированы, и Российская Федерация потеряла важнейший фактор развития экономики.

Структура бедности в России уникальна: 63% бедных — работающее население, большинство бедных — семьи с детьми. Российская Федерация официально как социальное государство провозглашает борьбу с бедностью. Однако эти декларации слабо подтверждаются реальной практикой. Напомним, что осенью 2008 г. премьер-министр В.В. Путин утвердил долгосрочную стратегию экономического развития РФ до 2020 г. Базовые

цели разработанной в Минэкономразвития «Стратегии» — динамичное развитие экономики и повышение уровня жизни граждан. Одна из поставленных целей — сократить количество бедных семей с детьми, для чего нужно повысить детское пособие в десять раз. После экономического кризиса правительство потребовало от учёных внутри самой социальной системы изыскать ресурсы для борьбы с бедностью. Член думского комитета по бюджету и налогам Оксана Дмитриева увидела в предложенной схеме, «излюбленный властями приём — взять у бедных и отдать нищим».

Внутри социальной системы самым безболезненным вариантом перераспределения средств, по мнению экономистов, оказался следующий: отменить выплату пособий ветеранам труда, имеющим доход свыше двух прожиточных минимумов. В России насчитывается порядка 10 млн ветеранов труда, и 10% среди них имеют индивидуальные доходы выше двух прожиточных минимумов. Они получают около 500 руб. в качестве ежемесячных денежных выплат, примерно во столько же обходятся другие их льготы. Экономия на таких ветеранах труда будет давать бюджету ежегодно дополнительные 10 млрд руб. в ценах 2009 г. К слову, по расчётам некоторых депутатов, эта сумма сопоставима с переплатой бюджета за закупку иномарок для чиновников (за год она составила около 6 млрд руб.). Ещё больше — около 30 млрд руб. ежегодно — можно будет сэкономить «...за счёт усиления процедур контроля доходов и введения социального контракта». Другими словами, для получения льготы гражданину надо будет доказать, что он действительно в ней нуждается. При этом потребуются составление социального контракта, выполнение которого будет контролироваться. В качестве примера можно назвать западный вариант — когда пособие по безработице исключает возможности гражданина где-то временно подрабатывать [4].

«Адресность» помощи и «социальный контракт» навсегда закроют дорогу к социальной поддержке самым обездоленным людям. Бюрократические процедуры сами по себе являются мощным фактором маргинализации населения: у всех на слуху мытарства людей, которые годами не могут оформить гражданство, многим случалось терять документы. Значительная часть населения нашей страны проживает в депрессивных регионах, в закрытых посёлках (часто без прописки, без медицинского и прочего обслуживания), где иногда электричества нет неделями, тем более учреждений, где можно получить справку, что ты бедный и нуждаешься в помощи. Маргинал, как крепостной крестьянин, по словам А. Радищева, «в законе мёртв».

Кроме того, бюрократические процедуры: оформление и сбор документов, общение с официальными лицами — это специфическая практика: она требует определённых способностей и образования. Парадокс заключается в том, что если бы человек, которому нужна социальная помощь, владел такими навыками, он не нуждался бы в ней (а окончил какие-нибудь курсы, прошёл собеседование и получил работу и зарплату). Как правило эти люди такими навыками не владеют, поэтому у них нет постоянной прописки, ИНН и страхового свидетельства, полиса и посто-

янной работы. И пособие они не получают, поскольку часто не знают, что им оно положено, а социальные службы их, разумеется, не разыскивают.

Таким образом, одновременное действие многих факторов привело к системной маргинализации населения России, особенно Дальнего Востока, породив глубокий кризис всех базовых основ повседневности. Сама собой — без интеллектуальных, моральных и трудовых усилий частных лиц, общественных организаций и государства — эта ситуация не разрешится и приведёт к безвозвратной деградации народа России, экономического и культурного потенциала страны вплоть до утраты государственного суверенитета.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Балабанова Е.С. Угроза стабильности и появление «маргиналов» / Маргинальность в современной России // Электрон. б-ка. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Margin/_01.php (дата обращения: 20.04.2012).
2. Баньковская С.П. Парк Роберт Эзра // Современная западная социология: Словарь. М., 1990.
3. Баньковская С.П. Сегодня каждый может считать себя маргиналом // Конкурент, 21 июля 2011 г. // Электрон. версия журнала. URL: <http://www.vsp.ru/social/2011/07/21/513984> (дата обращения: 20.04.2012).
4. Башкатова А. Россия возвращается к принципу «отнять и поделить» // Независимая газета, 31 окт. 2011 г. Электрон. версия газеты. URL: http://www.ng.ru/economics/2011-10-31/1_strategy2020.html (дата обращения: 20.04.2012).
5. Бурлуцкая М.Г. Возможности концепций маргинальности и мобильности для анализа процессов трансформации российского общества / Маргинальность в современной России // Электрон. б-ка. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Margin/_01.php (дата обращения: 20.04.2012).
6. Гвоздева Е. Высший слой российского чиновничества: автопортрет // Социальная реальность. 2007. № 1. С. 32—39.
7. Крупнов Ю. Демографическая доктрина России. Информационный портал. URL: <http://www.intelros.org/lib/statyi/kрупnov1.htm> (дата обращения: 20.04.2012).
8. Попова И.П. Концепция маргинальности в западной социологии / Маргинальность в современной России // Электрон. б-ка. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Margin/_01.php (дата обращения: 20.04.2012).
9. Пряников П. Профессор Северо-Западного университета в Чикаго Георгий Дерлугьян предсказывает новое нашествие крестьян в города // Информационный портал. URL: <http://www.intelros.ru/2007/10/15.html> (дата обращения: 20.04.2012).
10. Сараскина Л. Русский ум в поисках общей идеи // Свободная мысль. 2008. № 1. С. 31—48.
11. Симонян Р.Х. Реформы 1990-х гг. и современная социальная структура российского общества (к 20-летию экономических реформ) // Социс. 2012. № 1. С. 37—47.
12. Шибутани Т. Социальная психология. Ростов-на-Д.: Феникс, 1999. 539 с.
13. Шкаратан О.И. Российская псевдоэлита и её идентификация в мировом и национальном контекстах // Мир России. 2011. № 4. С. 130—141.
14. Штомпка П. В фокусе внимания — повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социс. 2009. № 8. С. 3—14.
15. ГАКК (Гос. арх. Камчатского края).
16. ЛАА (Личный архив автора. Интервью с респондентами А, В, С).